

Алексей
КОРНЕЕВ

... ПОКАЗАНИЯ НЕ ИЗМЕНЮ!

ПРАВДА О ПРОЦЕССЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

7 ИЮЛЯ 1862 года Николай Гаврилович Чернышевский был арестован. Арестом и обыском на его квартире руководил жандармский полковник Ракеев, слышавший в аппарате тайной политической полиции «специалистом по литературной части», за четверть века до описываемых здесь событий, в феврале 1837 года, он сопровождал гроб с телом Пушкина от Петербурга до Святогорского монастыря.

По личному указанию Александра II Чернышевский был заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. В одном из его казематов писатель провел почти два года, дожидаясь окончания затянувшегося следствия.

Ни дневники писателя, ни рукописи произведений, ни переписка не содержали фактов, которые могли бы послужить основанием для его осуждения, «Юридических фактов к обвинению Чернышевского в составлении возмутительных воззваний и в возбуждении враждебных чувств к правительству в III отделении не имеется», — вынуждены были признать жандармы.

То, что оказалось не по силам тайной полиции, выполнил провокатор Всеволод Костомаров. Он взялся представить факты, доказывающие «вину» Чернышевского.

Совместно с управляющим III отделением генерал-майором Потаповым был разработан план действий, утвержденный лично Александром II. Костомаров усиленно занялся фабрикацией фальшивых документов, «обличающих» Чернышевского. Им были изготовлены «собственно-ручная» записка Николая Гавриловича с просьбой о замене в печатаемой прокламации одних слов другими и «его же» письмо, содержавшее намеки на подпольную типографию, нелегальные издания, революционные организации в разных концах страны и самое главное — признание автора письма в принадлежности его перу прокламации «К барским крестьянам».

Чернышевский решительно опроверг подлинность предъявленных ему документов. Указав на Костомарова как на предполагаемого их автора, он потребовал, чтобы при экспертизе они были сличены не только с почерком его, Чернышевского, но и с почерком Костомарова. Однако сенат, боясь разоблачения, «признал такое домогательство Чернышевского незаконным».

После Октябрьской революции редакция журнала «Красный архив» провела научную экспертизу, которая на основе тщательной проверки многих документов признала подложность представленных Костомаровым пи-

сем. Помимо изготовления фальшивых писем, Костомаров решил прибегнуть к иному способу доказательства «вины» Чернышевского — даче ложных показаний. Так, он заявил, что Чернышевский якобы читал в его присутствии сочиненное им воззвание «К барским крестьянам», которое затем передал ему, Костомарову, для напечатания. Однако это «свидетельство» было полностью опровергнуто. В конце очной ставки Чернышевский обратился к следственной комиссии со словами: «Сколько бы меня ни держали, я поседею, умру, но прежнего своего показания не изменю».

Желая подкрепить свои обвинения, Костомаров привлек с ведома III отделения к участию в процессе нового лжесвидетеля — мещанина Петра Яковлева, который был переписчиком в его доме в Москве. В самый разгар судебного процесса, 1 марта 1863 года, Яковлев был направлен в Петербург к генералу Потапову с письмом от жандармского капитана Чулкова, в котором говорилось: «Вашему превосходительству осмеливаюсь рекомендовать подателя сего, московского мещанина Петра Васильевича Яковлева, который очень может быть полезен во многих случаях: он мне уже оказал услугу, и покорнейше прошу ваше превос-

ходительство принять его под милостивое ваше покровительство».

Получив от жандармского капитана, помимо письма, значительную сумму денег, Яковлев отбыл из Москвы. Далее, однако, случилось нечто совсем не предвиденное жандармами. Мещанин, почувствовав себя важной персоной, в которой нуждается правительство, устроил пьяный дебош на вокзале в Твери. Задержанный местной полицией, он был возвращен в Москву и посажен в смиренный дом. Здесь Яковлев решил раскрыть свою тайну соседям по камере — ими оказались студенты Московского университета, участники первой вольной типографии. Так тайное сделалось явным.

В середине апреля 1863 года Некрасов получил из Москвы письмо, в котором арестованные студенты дословно передавали свой разговор с Яковлевым, сообщившим им, что ездил он «по очень важному делу» в Петербург, к самому управляющему III отделением генералу Потапову. В письме говорилось:

«Был я знаком с Всеволодом Дмитриевичем Костомаровым. На днях получаю записку без подписи, в которой меня приглашают явиться в гости к «Венеция», в 18 номер. Явившись туда, я был крайне изумлен, заставши там Костомарова в солдатской шинели и в сопровождении жандармского офицера: оназвалось, что записка была от Костомарова, который сделал мне следующее предложение: «Вот тебе письмо к моей матери поезжай с ним в Петербург и отдай его по адресу — мать моя научит тебя, что делать, и ежели ты последуешь ее наставлениям, то будешь хорошо вознагражден».

— А Костомаров не говорил вам, что именно вам придется делать?»

— Говорил, и говорил, что я должен дать показание в III отделении в том, будто я слышал, как Николай Гаврилович Чернышевский летом 61 года в разговоре с Костомаровым сказал следующую фразу: «Барским крестьянам от их добродетелей поклон — и вы ждали воли, вот вам и воля, — благодарите царя». Я не знаю, что значат эти слова и зачем Костомарову нужно чтоб я дал такое показание...»

Письмо заканчивалось так:

«Все это заставляет нас обратиться к Вам, милостивый государь, как к человеку, вероятно, близкому к Чернышевскому (по редакции «Современника»), уполномочивая Вас, в случае действительности наших подозрений, представить это письмо куда следует, чтобы предупредить возможность несправедливого приговора суда. Все это мы готовы в случае надобности подтвердить перед судом присягою. Иван Гольц-Миллер, Петр Петрович-Ильенко, Александр Новинов, Яков Сулин, Леонид Яценко. Москва, 13 апреля 1863 года».

Получив это письмо, Некрасов незамедлительно передал его в распоряжение следственной комиссии. Такой поворот дела нарушал все планы III отделения. Желая замаять назревавший скандал и нейтрализовать неприятные последствия, правительство Александра II немедленно выслало провалившегося лжесвидетеля в Архангельскую губернию.

Не были оставлены без внимания и авторы коллективного письма, осмелившиеся разоблачить провокацию тайной полиции. Они были высланы в отдаленную провинцию под строгий надзор полиции. Стремясь разобщить людей, знавших правду о процессе Чернышевского, царское правительство выслало их не в одно, а в разные отдаленные места.

В приговоре, вынесенном по делу Чернышевского, сенат основывался на показаниях уличенного лжесвидетеля, полностью игнорируя заявление пяти студентов.

Молодые революционеры выбрали единственный честный и правильный путь. И хотя им не удалось «предупредить возможность несправедливого приговора суда», но благодаря им заку-

лисные махинации правительства Александра II были преданы гласности. На страницах «Колокола» А. И. Герцен и Н. П. Огарев опубликовали ряд секретных документов по делу Чернышевского, в том числе и письмо группы московских студентов Некрасову.

Кто же авторы этого письма, из-за тюремной решетки нарушившие столь тщательно разработанные планы тайной полиции? Все они — активные деятели революционного движения, к моменту написания письма — студенты или вольнослушатели Московского университета, участники нелегального издательства и первой вольной типографии в Москве, печатавшие и распространявшие запрещенную литературу, в частности произведения Герцена, Огарева, отдельные номера «Колокола», стихотворения Шевченко.

Инициатором написания письма Некрасову был, видимо, первый из пяти подписавших его — Иван Гольц-Миллер. Один из наиболее активных деятелей революционной организации московских студентов, он принимал непосредственное участие в написании прокламации «Молодая Россия», которая в мае 1862 года во множестве экземпляров была распространена в Петербурге, Москве и других городах, вызвав переполох в правительственных кругах. Прокламации разбрасывали на площадях и бульварах, оставляли у подъездов домов и у дверей квартир, рассылали по городской почте. На всю Россию прозвучали пламенные слова: «Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя, знамя будущего. Знамя красное и с громким криком: «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!» двинемся на Зимний дворец...».

Прокламация настолько близко излагала взгляды Чернышевского, что многие современники считали его автором «Молодой России». Николай Гаврилович намеревался написать ответную прокламацию под выразительным названием «Нашим лучшим друзьям», но осуществлению этого замысла помешал арест. Известно, что вождь революционной демократии установил с написавшими «Молодую Россию» революционерами практические контакты.

Иван Гольц-Миллер был не только революционером 60-х годов XIX века, но и талантливым поэтом. Талант Гольц-Миллера развернулся на страницах «Современника», который, продолжая традиции Чернышевского, редактировал Некрасов, высоко ценивший талант Гольц-Миллера.

Большинство написанных Гольц-Миллером произведений не смогло быть напечатанным при жизни автора по цензурным обстоятельствам. Только после Октябрьской революции стали известны читателям многие произведения талантливого поэта.

Одно из стихотворений Гольц-Миллера, опубликованное совсем недавно, переключается с трагической судьбой Чернышевского. Оно предназначалось для напечатания в «Современнике» и, уже набранное, напечатано все же не было. 19 мая 1864 года на Мытинской площади Петербурга состоялся постыдный обряд «гражданской казни». Но если можно заживо похоронить на каторге человека, то невозможно было убить посеянные им идеи. Этому и посвящено стихотворение одного из учеников Чернышевского, молодых штурманов будущей бури, — поэта-революционера Гольц-Миллера:

Он любил —
за любовь лицемеры
Осудили, казнили его.
Умер мученик
правды и веры,
Но не умерло слово его.
.....
Вечно полное
творческой силы
Жизнь зажжет оно
в мертвой крови,
Вывет мир из душной
могилы
И соизждет его на любви!